

СТАХОВА СОФЬЯ

УЗЕЛ СУДЬБЫ

Софья Стахова

Узел судьбы

«Автор»

2026

Стахова С.

Узел судьбы / С. Стахова — «Автор», 2026

Токио. Ночь. Девять свечей. И желание, которое изменит всё. Юкиэ хотела узнать своё предназначение. Вместо этого она оказалась в мире, где императоры повелевают стихиями, а магия — не тайна, а повседневность. Райдэн ищет убийцу отца и подозревает всех. Хёсуй приезжает в столицу, чтобы предотвратить войну, но сталкивается с недоверием и старыми обидами. Юкиэ предстоит распутать узел проклятия, найти правду и понять, кто из двоих готов принять её такой, какая она есть. Ведь её магия — не просто сила. Это нить, которая связывает судьбы. Восточное фэнтези, любовный треугольник и узелковая магия, которая переплетает жизни сильнее, чем красная нить.

© Стахова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Софья Стахова

Узел судьбы

Пролог

Токио. Полночь.

За окном моей квартиры на пятом этаже старушка Сибуя дышала неоном. Огни рекламных щитов переливались красным и синим, отражаясь в мокром после вечернего дождя асфальте, а бесконечные вереницы такси ползли по улицам, как светлячки в банке. Город никогда не спал, но в этом не было ничего удивительного; удивительным было то, что я всё ещё здесь находилась, хотя чувствовала себя чужой в этой бесконечной гонке за призрачным счастьем.

Я сидела на полу в центре гостиной, скрестив ноги, и смотрела на пустое пространство перед собой. Свечи ещё лежали в шкатулке. Я не решалась достать их, будто пока они были спрятаны, у меня оставался путь к отступлению.

Свечей было девять. По словам бабушки, девять – это число переходов, ну или границ между мирами.

Если зажечь их в полночь сжечь своё желание, написанное на рисовой бумаге, то Вселенная услышит тебя. Но будь осторожна, Юкиэ. Вселенная редко отвечает так, как нам нужно.

Бабушка умерла пять лет назад. Её низкий, чуть хриповатый голос я помнила лучше, чем её лицо. В конце любой фразы она слегка усмехалась, будто знала какой-то секрет, который мне ещё только предстояло разгадать. Она была единственной, кто понимал, почему я разговариваю с чайником перед тем, как его включить, и почему я никогда не захожу в квартиру с левой ноги. Она была единственной, кто учил меня магии. Не такой, как в кино, а настоящей, ведьмовской. Зажечь свечу взглядом. Найти потерянные ключи, проведя рукой над порогом. Завязать узел на красной нити так, чтобы он притянул удачу.

В реальном мире магии почти не осталось. Бабушка говорила, что когда-то, очень давно, воздух был плотным от неё, как вода в океане, и люди дышали Ци так же естественно, как дышат сейчас кислородом. Но потом магия начала утекать, как песок сквозь пальцы. Теперь её осталось так мало, что даже самое простое заклинание высасывает силы до головокружения. Я могла зажечь маленький огонёк на ладони буквально на три секунды, не ярче спички. И после этого у меня минуточку кружилась голова.

Но я всё равно продолжала, потому что это было единственное, что связывало меня с бабушкой. Да и без магии я не знала себя.

Я вздохнула и потянулась к шкатулке. Она была сделана из тёмного дерева. На уголках потускневшая бронза, внутри бархатная подкладка цвета запёкшейся крови. Я достала девять свечей, связанных красной лентой, горсть риса в маленьком шёлковом мешочке, старый нож с костяной ручкой, которым бабушка резала травы для своих отваров и потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте, которую она называла «Дневник ветров».

Тетрадь я открыла в последнюю очередь. Бабушкин почерк был мелким, аккуратным, с наклоном вправо, будто буквы всегда куда-то спешили, и заполнял страницы до краёв. Ритуал отмечала тонкая закладка из выцветшего шёлка. Я обнаружила его около полугода назад.

Призыв предназначения.

Обряд нельзя проводить дважды. Если желание истинное – жизнь меняется навсегда, вернуть прежнюю себя невозможно. Если ложное – ничего не произойдёт, но ты навсегда запомнишь: Вселенная видит тебя насквозь. Никто не знает, что тяжелее – потерять себя или жить с осознанием собственной лжи. И никто не хочет узнавать

Я перечитала этот абзац три раза. Потом четвёртый, просто чтобы убедиться, что не пропустила строчку, где бы говорилось:

...на самом деле это безопасно, не бойся, Юкиэ.

Но такой строчки не было.

Я закрыла тетрадь и, не удержавшись, погладила свечи, Бабушка когда-то подарила их мне на шестнадцатилетие.

– Используй, когда поймёшь, что терять нечего, – сказала она.

Тогда я обиделась. Какой нормальный взрослый скажет такое шестнадцатилетней девочке? А сейчас понимала, что она просто была честной. Бабуля никогда не умела приукрашивать правду, и за это я её любила, хотя иногда это было неудобно.

Мне двадцать три. Я работаю фрилансером – перевожу тексты с английского и китайского, иногда пишу небольшие статьи для онлайн-журнала, который платит ровно столько, чтобы я могла оплачивать эту квартиру. У меня есть друзья, с которыми я иногда хожу в караоке и делаю вид, что мне весело. У меня есть сестра, которая живёт через три района и звонит раз в неделю спросить, не умерла ли я. У меня есть интернет, Netflix и подписка на доставку еды.

У меня нет ничего, что заставляло бы меня просыпаться по утрам с ощущением, что этот день имеет значение. Я устала. Не физически, нет, хотя недосып последние месяцы стал моим постоянным спутником, а как-то глубже. Я была листом, который ветер носит по пустой улице: он движется, но не знает зачем, и никто не обернётся, если он вдруг остановится.

Поэтому я решила.

До полуночи оставался час. Я приняла душ, надела чисто белье и простые джинсы с футболкой, ведь магия не терпит грязи и беспорядка, а уж тем более магия, которая касается судьбы. Потом я выключила свет во всей квартире, кроме одной лампы в углу, которую накрыла шарфом, чтобы свет стал тусклым и тёплым, как от костра.

На полу в центре гостиной расчистила пространство от ковра и журнального столика. Девять свечей расставила по кругу на равном расстоянии друг от друга, Рис из шёлкового мешочка насыпала в маленькую глиняную пиалу, которую сама слепила на гончарном курсе два года назад, и поставила её в углу комнаты, как учила бабушка.

Духам нужно подношение, иначе они обидятся и ритуал пройдет не так, как надо.

– Не знаю, есть ли здесь кто-то, – начала я, чувствуя себя неловко и немного глупо. – Но если есть... я хочу знать, зачем я здесь. Какой во всём этом смысл.

Тишина.

Где-то за стеной сосед включил телевизор. Сквозь бетон пробивались приглушённые звуки рекламы: бодрый женский голос рассказывал о новом средстве для мытья окон.

Я достала из папки листок тонкой, почти прозрачной, рисовой бумаги, шуршащей при малейшем прикосновении. Обмакнула кисть в тушь, которую бабушка собственноручно растирала из сажи и клейкой рисовой муки, и написала короткий текст.

Я хочу знать, зачем я здесь.

Семь иероглифов. Моё желание уместилось в одну короткую строчку.

Листок сложила вчетверо, зажала между ладонями и закрыла глаза. Стрелки часов подбирались к двенадцати. Я слышала их тиканье даже сквозь гул в ушах.

Без пяти двенадцать я зажгла первую свечу.

Свечи нужно было зажигать не спичками и не зажигалкой, только дыханием.

Твоё тепло зажигает чужое. Огонь, рождающийся из тебя, никогда не предаст.

Я сложила губы трубочкой, сосредоточилась на фитиле и выдохнула.

Пламя вспыхнуло сразу: живое, оранжевое, с синим сердечком в основании.

Вторая свеча зажглась через три выдоха. Третья – через пять. К четвёртой я уже привыкла, и она поддалась почти сразу. Пятая, шестая, седьмая – они загорались одна за другой.

С каждым новым огоньком комната становилась светлее, а тени на стенах – длиннее и беспокойнее.

Восьмая свеча все никак не зажигалась.

Я дышала на фитиль до тех пор, пока не закружилась голова и перед глазами не поплыли тёмные пятна. Пот заливал глаза, сердце колотилось где-то в горле, но фитиль оставался холодным. Он даже не задымился, будто моё дыхание проходило сквозь него, не оставляя следа.

– Давай, – прошептала я, начиная паниковать. – Ну пожалуйста.

Ничего.

Я перевела дыхание, вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и попробовала снова. На этот раз медленнее, глубже, вкладывая в выдох всё, что у меня оставалось. И на этот раз фитиль дрогнул, вспыхнул слабым оранжевым язычком, который сначала заколебался, будто сомневался, стоит ли ему гореть, а потом выровнялся и замер.

Я выдохнула с таким облегчением, что на секунду закружилась голова.

Осталась последняя. Девятая.

Я повернулась к ней, собралась с силами – лёгкие уже горели, в висках стучало – и выдохнула. Она зажглась с первого раза, будто все предыдущие трудности были проверкой, а девятая свеча покорно ждала меня.

Девять огней горели ровно, их пламя слегка колебалось, хотя в комнате не было сквозняка. Я не сводила с них взгляда, а воздух вокруг становится плотнее, тяжелее, будто кто-то невидимый вошёл в комнату и замер у меня за спиной.

– Пора.

Я взяла листок с желанием, поднесла его к пламени первой свечи.

Бумага вспыхнула мгновенно: тушь зашипела, иероглифы на секунду засветились красным, прежде чем рассыпаться в пепел. Я держала листок, пока огонь не лизнул пальцы, и только тогда разжала руку. Пепел кружился в воздухе.

И в этот момент пламя всех девяти свечей дрогнуло одновременно.

Они качнулись влево, хотя ветра не было. Потом вправо. Потом вытянулись вверх тонкими, почти невидимыми нитями, и я поняла, что они больше не горят, они тянутся к потолку, соединяясь в одной точке прямо над моей головой.

Потолок пошёл рябью.

Кажется, у меня двоится в глазах... Наверное, это от того, что слишком долго смотрела на пламя и сильно давила на дыхание. Но рябь не исчезала. Она росла и расширялась, превращаясь в чёрное пятно. Оно пульсировало в такт моему сердцу, все быстрее и быстрее, пока к горлу не подкатила тошнота.

– Это не должно...

Договорить я не успела, подо мной провалился пол, а меня, наоборот, выдернуло вверх, как пробку из бутылки. Это было не падение, а стремительный полёт в чёрную воронку, которая раскрылась на месте потолка. Свечи разлетелись в стороны, их огни погасли мгновенно, будто кто-то задул их одним дыханием. Рис из пиалы рассыпался пылью, которая на секунду повисла в воздухе, а потом тоже исчезла.

Я попыталась закричать, но воздух выбили из лёгких, и единственное, что я слышала, это звон в ушах – высокий, пронзительный, невыносимый.

Падение продолжалось вечность. Или секунду. Я потеряла счёт времени.

Перед глазами мелькали образы. Бабушка, улыбающаяся мне с фотографии на комод; Токио, который я видела с крыши небоскрёба в прошлом году; иероглифы моего желания, которые горели красным, а потом рассыпались в пепел. А потом – темнота. Абсолютная, непроглядная и такая густая, что я могла бы потрогать её руками.

И в этой темноте мелькнула крошечная точка света. Серебряная, мерцающая, как паутинка на утренней росе.

Я потянулась к ней. Нет, это и есть паутина. Тонкая, почти невидимая, сплетённая из серебряных нитей, которые вибрировали, будто кто-то играл на них, как на струнах.

А на ней сидел паук.

Он был слегка крупноват, чёрный и с блестящим панцирем. Но не это было страшно. На его спинке, прямо посередине, виднелся узор, похожий на человеческое лицо.

Оно улыбалось.

Я бы с радостью отшатнулась, но не могла пошевелиться. Тело перестало меня слушаться, стало чужим и тяжёлым, будто налилось свинцом. Я не видела глаз, но паук точно смотрел на меня.

А потом темнота сомкнулась надо мной, и все чувства исчезли.

Последняя мысль, пронесшаяся в голове перед тем, как сознание окончательно погасло, была бабушкиной.

Вселенная редко отвечает так, как мы ждём.

Что ж, бабуля. Ты была права.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно.

Первое, что я почувствовала, был запах. Не привычный утренний аромат кофе из квартиры соседей этажом ниже и не запах моего собственного шампуня, оставшийся на подушке. Здесь пахло иначе – сырой землёй, плесенью, сушёными травами и ещё чем-то неуловимым, от чего по спине побежали мурашки, хотя я ещё не понимала, где нахожусь.

Вторым пришло ощущение твёрдого пола под боком. Шершавое дерево, кое-где сколотое в щепки, с глубокими трещинами, в которые забились многовековая грязь. Я лежала на боку, поджав колени к груди, и каждая доска подо мной пахла так, будто этот дом помнил дожди, которые шли ещё до того, как моя бабушка научилась ходить.

Я открыла глаза.

Темнота была такой плотной, что я сначала не поняла, открыла я их вообще или нет. Я моргнула раз, другой, потёрла глаза тыльной стороной ладони, но ничего не изменилось. Ни единого просвета, ни одной точки света, за которую мог бы зацепиться взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.